

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40>
EDN: LOTKCK

Научная статья / Research article

Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг.

Дина Ахметжановна Аманжолова

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

✉ amanzholova19@mail.ru

Аннотация: Исследуются коллизии советского нациестроительства, активно дискутируемые в современной историографии. Источниковой основой исследования служат опубликованные материалы, а также архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории и Архива Президента Республики Казахстан. Анализируются некоторые конкретно-исторические сюжеты и вклад современной историографии в осмысление актуальных проблем и формулирование новых идей и подходов к анализу обозначенного комплекса вопросов, в том числе инструменты советского социально-политического инжиниринга, роль и значение этнополитических элит в создании СССР как сложноорганизованной иерархической конструкции. Делается вывод, что противоречия реализации этнонациональной политики были прямо связаны с формированием советской федерации, которая стала уступкой этнополитическим движениям начала XX в., а управление разнообразием было центральной задачей государства как альтернативы предшествующим политическим системам для культуры сложных обществ.

Ключевые слова: советский федерализм, национальная политика, конструирование наций, управление, раннесоветский период

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.). Проект: Критический анализ концепта неокOLONIALИЗМА применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития.

Для цитирования: Аманжолова Д.А. Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 30–40. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40>

Soviet Federal Project and the Collisions of Nation Building in the 1920–1930s

Dina A. Amanzholova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

✉ amanzholova19@mail.ru

Abstract: The author examines the collisions of the Soviet nation-building which are actively debated in modern historiography. The source base for the research is the published materials, as well as the archival documents of the Russian State Archive of Socio-Political History and the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. There are analyzed some specific historical subjects and the contribution of modern historiography to the understanding of the current problems and the formulation of new ideas and approaches to the analysis of the designated set of issues including the tools of

Soviet socio-political engineering, the role and significance of ethno-political elites in the creation of the USSR as a complex hierarchical structure. It is concluded that the contradictions in the implementation of ethnonational policy were directly related to the formation of the Soviet federation, which became a concession to the ethno-political movements of the early XX century; and managing diversity was the central task of the state as an alternative to previous political systems for culturally complex societies.

Keywords: Soviet federalism, national policy, nation-building, governance, early Soviet period

Acknowledgements and Funding: The article was prepared within the framework of the Research Program related to the study of the ethno-cultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity (2023–2025). Project: Critical analysis of the concept of neocolonialism in relation to the Soviet experience of national policy and ethno-cultural development.

For citation: Amanzholova, D.A. “Soviet Federal Project and the Collisions of Nation Building in the 1920–1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 30–40 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40>

Введение

Актуальность. Советский федеративный проект, родившись как уступка этнополитическим движениям на окраинах бывшей Российской империи, стал основным средством нациестроительства. Это обусловило целый комплекс взаимосвязанных мер, без которых обеспечить функционирование этноориентированной федеративной конструкции оказалось невозможно. Они разрабатывались и реализовались в острых дебатах и на основе оперативно определяемых способов соединения разноуровневых этнополитических компонентов с интересами общегосударственного организма. Управление разнообразием было центральной задачей советской федерации, противопоставленной большевиками в качестве принципиально иной модели для культурно сложных обществ. Поскольку практика культивирования национальных различий была основной в имперском управлении, она понуждает учитывать множество форм, в которых власть осуществляется через пространство¹. В этом плане раннесоветский период предоставляет множество показательных примеров того, как на имперском фундаменте при смене системы государственных институтов, социально-политических основ и официальной идеологии сохранялась и укреплялась надэтническая общность/нация. Имея исторически сложносоставное содержание, она включала в консолидирующее гражданское пространство все народы страны в их переходе от традиции к понимаемой большевистски модерности.

Степень изученности проблемы. Современный уровень исследования проблем федеративного и нациестроительства в СССР в 1920–1930-е гг. позволяет более предметно анализировать не только достижения, но и проблемы и риски реорганизации огромного полиэтничного евразийского пространства в его имперском основании. Весомый вклад в такой анализ на примере разных регионов и страны в целом внесли российские ученые². Тем не менее, остаются дискуссионными существенные вопросы. В том числе: каким образом в советской федерации на разных уровнях и в разных социальных средах совмещались и как взаимодействовали

¹ Burbank J. *Empire and Transformation: The Politics of Difference. Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order* // *Slavic Eurasian Studies*. 2018. № 33. P. 11–33.

² Варнавский П. Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 239–262; Марчуков А.В. Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: цели, методы, результаты. М., 2006; Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.): документы и материалы. М., 2007; Этнические элиты в национальной политике России. М.; СПб., 2017; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства. М., 2012; Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018; Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021; Интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–1930 гг.). Иркутск, 2021.

корневые имперские и нациестроительные практики; в чем выражалось амбивалентное единство (или его невозможность) нациестроительства и интегративного политического, экономического, социокультурного начала; какова была динамика этноидентичности народов СССР; что есть «советский народ» как концепт и как историческая реальность в их развитии и др. Признается, что советский федерализм имел существенную специфику, определявшуюся именно его нацеленностью на модернизацию традиционных обществ. Моноэтничность не является гарантией процветания, а этнокультурное богатство составляет силу и умножает возможности для развития всех народов именно в мощном, хорошо управляемом государстве. В то же время представление об СССР как империи не вызывает серьезных возражений, хотя ее амбивалентный, особый характер остается в центре дебатов.

Тезис о принципиальном разрыве между имперским прошлым и советским настоящим был подвергнут критике. Имперский дискурс позволяет более точно и объемно оценить истоки, эволюцию поликультурного пространства и его институциональных структур, роль политических акторов (в т. ч. этноэлит) в обеспечении устойчивости и успешного развития государства в его хронотопических вариациях. Предметное изучение механизмов управления разнообразием в СССР вскрывает глубинные ценностные основания межкультурной интеграции народов, организованный и целенаправленный вклад в развитие которой, несомненно, вносило государство усилиями общесоюзных, региональных и этнополитических структур. Это не исключало поддержку этнокультурного разнообразия, как одного из базовых преимуществ евразийской целостности, принципиально отличающей ее от колониальных практик западных стран. Имперское основание нашей государственности диктовало именно такой подход, какими бы идеологическими декларациями он не ретушировался. В настоящее время в российской историографии практически нет серьезных возражений против того, что досоветская и советская история России есть непрерывный процесс, а изменения типа ее государственности в XX веке отразили преемственность базисных цивилизационных и политических оснований, которые в эпоху революционных потрясений приобрели внешне противоположный (федеративный) формат. Выделяется решающая роль центра как консолидирующего, определявшего и финансировавшего базовые проекты модернизации, примирявшего внутриэлитные конфликты на местах, обеспечивавшего баланс между интегративными и этнотерриториальными интересами развития огромной страны. При этом он обеспечивал укрепление государственного организма, который уже в 1930-е гг. также по объективным причинам приобрел ярко выраженные черты вертикальной централизованной структуры.

Цель исследования заключается в том, чтобы с учетом специфики современной зарубежной историографии в оценке «проекта большевиков» и его «имперской сущности» определить контекст и существо проблем федеративного строительства на примере дебатов в руководстве национальных автономий.

Источниковой основой исследования послужили историографические и документальные источники, в том числе материалы работы Комиссии «Строительство РСФСР, нац. республик и областных органов в составе РСФСР» во главе с М.И. Калининым, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (Ф. 78), и заседания руководства Казахской АССР по итогам так называемого «рыскуловского совещания», хранящиеся в Архиве президента Республики Казахстан (Ф. 141).

Федерализация и нациестроительство

Сохранение имперского фундамента в федеративном советском государстве составляет важную часть рассуждений зарубежных авторов о существовании, характере и результатах советской национальной политики, которые признают трудности со-

здания цельной аналитической концепции при включении советского проекта в семью империй. Так, А. Хауген считает, что советское государство было организовано как иерархическая квази-федерация национальных советских республик, при этом никогда не было посягательств на культурную самобытность как таковую. Проект большевиков был империалистическим, но при этом отличался от классического империализма, поскольку режим использовал власть не для экономической эксплуатации периферии, а для того, чтобы навязать на периферии принципиально новый тип общества, и это не означало русификации. Ф. Хирш назвала это империей наций, в отличие от Т. Мартина с его известным определением СССР как империи позитивной дискриминации. Хирш предлагает формулу «поддерживаемое государством развитие», которое не было программой «создания нации» и позитивным действием, а помогало разным этнокультурным общностям ускоренно пройти модернизацию от племени до социалистической нации и затем единой коммунистической общности³. Правда, на деле этничность не исчезла, и расцвет этнонационализма в бывших советских республиках после 1991 г. подтверждает это.

Важно подчеркнуть, что власть, несмотря на весьма сложные обстоятельства и противоречия нациестроительства, применяла программные установки к обнажившимся в ходе преобразований существенным особенностям этнических культур, хозяйственных укладов, региональных взаимосвязей и пр. Меж тем Ст. Кульчицкий и Р. Суни утверждают, что отношения между центром и периферией рассматривались как неравенство, которое якобы Москва оправдывала, а республики «терпели»⁴. На деле руководство национально-государственных единиц оказывало серьезное влияние и давление на конкретные решения центра в самых разных областях, что также способствовало установлению баланса интересов структурно и содержательно многослойного государственного организма. В Конституции РСФСР 1918 г. не были зафиксированы отличия автономных образований от губерний или их особый юридический статус⁵, и формирование представлений о критериях иерархии этнополитических единиц, а также об условиях изменения их статуса, как и правовое закрепление, происходили в ходе неоднократных обсуждений до конца 1920-х гг. При этом детальную разработку и институциональную основу формировавшейся сложно организованной государственной конструкции обеспечивали непосредственно погруженные в непрерывный процесс взаимоотношений секретари ЦК ВКП(б) и главы системообразующих партийных структур, руководители ЦИК и ВЦИК, их отделов, ведущие наркомы, представители Госплана вместе с наиболее активными национальными лидерами.

Сложности анализа существа и значения советского нациестроительства отчетливо отражают публикации зарубежных авторов, мало учитывающих предметные исследования российских историков. Так, Р. Суни признает, что СССР не разрушал, а создавал нации, и Советская империя, действительно, преуспела в достижении своей цивилизаторской миссии – развитии городского, образованного, мобильного населения из архаичного общества крестьянских деревень, людей, готовых к самоуправлению. При этом сами его успехи обрекли империю на бесполезность. Ирония или парадокс «коммунистического империализма» (термин Суни) состояла в том, что, подобно немногим другим империям, Советская империя намеренно занималась

³ *Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. New York, 2003; Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М., 2022.*

⁴ *Кульчицкий Ст. Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 6–16; Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Там же. С. 17–40.*

⁵ Конституция РСФСР 1918 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918> (дата обращения: 30.11.2022).

двумя формами национального строительства на своей собственной территории: национальным строительством на этнотерриториальном уровне республик и других институциональных образований (например, автономных областей) и на общесоветском уровне, где предпринимались усилия по созданию «советского народа», вообразимого и эмоционального сообщества всех советских граждан. Вряд ли объективно утверждение Суни об отсутствии объединяющего граждан СССР чувства общности, стремления создавать советскую нацию⁶. Многочисленные исследования, воспоминания, свидетельства «перекочевавших» из СССР в новые государства людей подтверждают наличие такой общности. Остается лишь признать, что ее целостность не исключает внутреннюю противоречивость, включающую в том числе и всевозможных критиков тех условий, в которых реализовались частные судьбы и осуществлялись масштабные общественные перемены.

Это отразилось в дебатах вокруг концепта «советский народ» и существа «советскости». Так, В. Деннингхаус пишет о советизации. Он понимает ее как политику создания социалистического многонационального общества, лояльного в отношении власти⁷. Данный термин уже, чем понятие «советскость», поскольку обозначал процесс утверждения власти большевиков в советской системе, которая зародилась не по их инициативе в 1905 г. Одновременно, неизбежно для многокультурного государства, в рамках федерации создавалась, осваивалась и модифицировалась новая модель гражданской консолидации общества, получавшей оригинальное воплощение в конкретных этносоциальных средах. Организационные и институциональные сложности иерархической федеративной системы составили основу большинства противоречий и конфликтов в ходе ее становления и развития, являясь сегодня предметом пристального внимания историков.

Установлено, что конкретные инструменты и институты нациестроительства в федеративном государстве были едины в качестве цели и весьма разнообразны в их реализации. Одним из очевидных проявлений политизации этничности стали серьезные административно-территориальные изменения. Как известно, наиболее сложным стало территориально-административное устройство РСФСР – самой многонациональной части Советского Союза. Обусловленное привязкой к принципу национального самоопределения, оно закономерно породило немало трудностей в системе управления и организации деятельности всех звеньев и институций – взаимодействие с центральными органами власти, межрегиональные и межреспубликанские связи в рамках РСФСР, отношения с другими союзными республиками. Требование соблюдать классовый подход не добавляло прочности в этих практиках, к тому же понимание соотношения классового и этнонационального нередко нюансировалось представителями власти в центре и на местах в зависимости от приоритетов административной и хозяйственной деятельности, динамики в реализации тех или иных задач развития. В частности, секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе подчеркивал:

Вопрос о государственных формах существования отдельных наций – для нас производный, зависящий от вопроса о классовых взаимоотношениях. Мы не строим также фикции о децентрализованной федерации, как панацеи от закабаления народов...⁸

Такая позиция определялась в том числе развернувшимися в середине 1920-х гг. и особенно в 1926 г. дискуссий при проведении нескольких совещаний с руководи-

⁶ *Suny R.G.* Lessons of October: The Fate of Democracy and Socialism in the Age of Revolution and Counterrevolution. URL: <http://kennedy-legacy.byu.edu/events/lessons-of-october/> (дата обращения: 22.05.2022).

⁷ *Деннингхаус В.* В тени «Большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР, 1917–1938 гг. М., 2011. С. 629, 643.

⁸ *Енукидзе А.С.* Конституции автономных республик (в порядке постановки вопроса) // Советское строительство. 1926. № 3-4. С. 20, 33.

телями российских автономий. Споры сосредоточивались вокруг полномочий и статуса автономий при подготовке их конституций, отношений с центром, бюджетных возможностей и прав, хозяйственной специализации и финансирования тех или иных промышленных объектов, располагавшихся на и вне территории автономий. По мнению Енукидзе, в проектах конституций автономий некоторые позиции не учитывали классовые требования момента, а лишь апеллировали к отвлеченным предпосылкам национального самоопределения⁹. Связанная с дебатами вокруг названных вопросов более ранняя записка И.В. Сталина в Политбюро ЦК РКП(б) 1923 г. ко всему прочему раскрывает его нюансированный и гибкий подход к формированию такого облика федерации, который обеспечивал бы устойчивость и управляемость огромного государственного организма с учетом внутренних административных барьеров, задач урбанизации для автономных единиц и их взаимодействием с соседними «приграничными» губерниями и областями¹⁰.

Стоит остановиться на некоторых деталях достаточно сложных дебатов по указанному кругу вопросов. 2 января 1926 г. под председательством секретаря ЦК партии В.М. Молотова в ЦК ВКП(б) созвали секретарей парторганизаций по вопросу о «большевизации национальных кадров» с участием руководителей партийных организаций Казахстана, Средней Азии, в т. ч. Узбекистана, Киргизии и Туркмении, а также других автономий в составе РСФСР (Крыма, Башкирии, Татарстана и Дагестана)¹¹. 12 и 14 ноября 1926 г. по инициативе Отдела национальностей ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова в Москве состоялось «Частное совещание националов – членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин»¹². В обоих случаях обсуждались противоречия партийного и нациестроительства и отчетливо проявились существенные разночтения между лидерами автономий и представителями центра в их толковании и путях разрешения. Особую остроту приобрели споры по поводу статуса республик, так или иначе боровшихся за его повышение до союзного, особенно после преобразования Чувашской АО в АССР в апреле 1925 г., а также вокруг распределения средств на промышленное строительство и иные задачи. Важную миссию выполнила Комиссия «Строительство РСФСР, нац. республик и областных органов в составе РСФСР» во главе с М.И. Калининым (22 июня 1926 – 11 марта 1927 гг.)¹³.

Во время работы Комиссии, через месяц после т.н. частного совещания, инициированного работавшим в Москве казахским деятелем Т.Р. Рыскуловым, в крупнейшей автономии России – Казахской АССР 18 декабря состоялось специальное объединенное заседание Казкрайкома партии, президиума контрольной комиссии ВКП(б), фракций СНК и КЦИК республики «и казахского актива» по поводу итогов этого совещания. Участники достаточно дружно осудили московское собрание, поскольку оно, как было заявлено в резолюции, объединило прежде всего живших в столице страны «случайно собравшихся националов» (прежде всего критиковались С. Асфендиаров, а также Ж. Мынбаев и С. Ходжанов), расходилось с мнением Казкрайкома и правительства автономии, не учитывая реальное положение дел

⁹ Енукидзе А.С. Конституции автономных республик (в порядке постановки вопроса) // Советское строительство. 1926. № 3-4. С. 35.

¹⁰ «Что касается государственного строительства, тут, пожалуй, не все еще ясно». Записка И.В. Сталина члену Политбюро ЦК РКП(б). 1923 г. // Исторический архив. 2019. № 6. С. 136–142.

¹¹ Стенограмму совещания см.: «Как вести руководство, на что ориентироваться?» Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.

¹² Подробнее см.: Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 44–70.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 78. Оп. 7. Д. 61. Л. 3; Д. 62. Л. 2.

и истинные потребности автономий. Главная установка, которую транслировали из КАССР, состояла в полной поддержке решений X и XII съездов партии, а также известного IV совещания наработчиков 1923 г. и отказе поддержать идею созыва следующего, V-го совещания. При этом в выступлениях участников обозначились сходные для всех автономий проблемы – трудности взаимопонимания с наркоматами (наркомзем, наркомсобес и др.) при проведении социально-экономических реформ, по-разному затрагивавших интересы населения и бюрократии, существование федеративного конструкта – РСФСР, как и собственно национальных интересов.

У. Исаев и Н. Нурмаков, в частности, заметили, что преимущество национала не в том, что он защищает интересы нации, как полпред страны где-то в Италии, не выпячивать национальное в противовес классовому, как это делает глава Отдела национальностей ВЦИК Асфендиаров. «„Осаждай сильного и поднимай слабого“, – выходит осаждай Иваново-Вознесенский район, пока Чуйский район не станет Иваново-Вознесенским», – такую постановку вопроса Асфендиаровым и Ходжановым Нурмаков счел недопустимой. Все сходились в том, что бюрократическое отношение «совопаратов» РСФСР к национальным республикам и другие коллизии, имея место, вполне разрешимы в духе уже принятых центром решений, а стенания по поводу недостаточной пролетаризации и коренизации, школьного строительства и пр. не учитывают реальные позитивные изменения в республике. Идея по поводу V-го совещания создает «политический шумок», меж тем «с нас хватит пока и оппозиционного шумка».

На заседании, как и в других случаях, вполне определенно выявились групповые интересы казахской этнополитической элиты, характерные, впрочем, и для других автономий. Глава СНХ КАССР У. Кулумбетов вспомнил 1924 год, когда, как он отмечает, «мы имели счастье вынести постановление о том, чтобы сразу войти в СССР», а «ответственные товарищи... с мест» уверяли, что это возможно. «Можем ли мы одним шумком поставить на ноги Москву для того, чтобы сразу войти в СССР?», – задался он вопросом. Но участники совещания, по его мнению, где должны были выясниться «наши взаимоотношения с РСФСР», «взяли неправильную линию и дошли до того, что «Ванька наступает», нужно «объединиться националам, вооружиться, против Ваньки войной пойти». «Шуметь, кричать и этим добиться чего-нибудь» нельзя, важнее говорить о практических вопросах. Кулумбетов привел примеры важных успехов в нацистроительстве, причем отметил, что именно Ф.И. Голощекин, который в современной историографии Казахстана выступает чуть ли единственным ответственным за все несчастья сталинского периода, настаивал на выдвижении в руководство трестами казахов вместо предложенных кандидатур «европейцев», признавая в то же время объективное положение, что национальных кадров все еще немного. Председатель ЦСНХ КАССР А. Лекаров меж тем выступил за созыв V национального совещания и пересмотр положений и конституций автономий в РСФСР, поставив вопрос о том, «почему нельзя некоторым национальным республикам, если есть возможность, приобщиться к братскому» СССР. Глава агитпропа Казкрайкома партии У. Джандосов предпочел призвать собравшихся понять неразрывную взаимосвязь между решением общесоюзных и республиканских задач, включая КАССР, на основе рационального географического размещения производств. Голощекин, в свою очередь, обратил внимание на то, что участники совещания, именуя себя товарищами-националами, а не просто товарищами, не говорили «об увязке» с СССР, «без чего в отдельности никто не сможет существовать как часть Союза», по существу ведя к ослаблению страны и республик. Вышло «странное противопоставление», поскольку и в самом деле каждый являлся представителем какой-то национальности, меж тем речь должна была идти о партийном единстве. Он раскритиковал Мынбаева, Холжанова и Асфендиарова, поскольку «всякий, кто бывал... в Узбекистане, Туркменистане, Киргизии, Казахстане, Татарии, Башкирии, Крыму», знает – утверждения, что здесь ничего не развивалось, – «злостная клевета». Устроив Ноев ковчег из Гос-

плана РСФСР включением в него, например, по 2 казаха и башкира, вряд ли можно было решить проблему изживания бюрократического произвола. Направление против русского как такового, то есть направление единого фронта против РСФСР Голощекин определил как «совершенно невероятный националистический уклон». Так называемое федерирование по национально-экономическому признаку, предложенное крымским участником совещания, он расценил как недопустимое, отметив, что «Крым может федерироваться, скажем, с Татарией или... с Турцией. Люди совершенно не понимают положения», самоопределения по-коммунистически¹⁴. Острота суждений и противоречивость позиций отчетливо выявили слабости не только практической организации жизнедеятельности автономий и всей федеративной конструкции страны, но и очевидные расхождения в понимании существа государства как сложного и негетерогенного целого, а также в содержании и задачах конструктивного участия в обеспечении успешной деятельности управленческого организма.

Государственное регулирование этничности и конструирование наций в Средней Азии, подтверждая обозначенные противоречия, реализовалось путем территориального размежевания. Наиболее распространенный подход ныне связан с обоснованием решающей роли центра и его противодействия местным элитам. Как пишет один из авторов, этническое измерение этого социально-инженерного проекта реализовалось с помощью чрезвычайно методичной попытки распознать, организовать, модернизировать и контролировать этнонациональную идентичность формальными институциональными структурами¹⁵.

Но попытки встроить в западную аналитическую модель советский конструкт, который трактуется как декларативно антиимперский, пренебрегавший имперской властью и использовавший «квазимперские» практики для обеспечения «коммунистической современности», остаются весьма противоречивыми, поскольку западные критерии модерности не позволяют адекватно оценить конкретно-исторический путь народов СССР по пути, избранному большевиками на основе западной марксистской доктрины. Как пишут Дж. Бурбанк и Ф. Купер,

в некоторых обстоятельствах народы видели определенные преимущества во вхождении, <...> в большое и мощное политическое объединение¹⁶.

Наряду с далеко не всегда хорошим знанием конкретики, презентизм нередко подменяет историческую аналитику. Так, М. Ларуэль, обвиняя Россию в «долгой истории государственного насилия» в соответствии с логикой политизированной стилистики западных авторов, все же оказалась одной из немногих, кто заметил невозможность отрицать отчетливое наличие противоположной западной позиции в мире. Она замечает, что

Глобальный Юг предлагает еще одно сочетание твердой веры в суверенитет как ключевой элемент идентичности страны, своего собственного вклада в литературу о колониализме и своих собственных взглядов на Запад как на колониальный, неоколониальный или имперский (здесь таксономии также пересекаются). Эти расходящиеся взгляды, которые неявно или явно противопоставляют западную «империю» российской «империи», были ярко выражены многими лидерами Глобального Юга после полномасштабного вторжения России в Украину¹⁷.

¹⁴ Архив Президента РК (далее – АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 489. Л. 2–3, 14–16, 18, 20, 26–31, 35, 42, 44, 56–58.

¹⁵ *Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923. London; New York, 2001. P. 176.*

¹⁶ *Бурбанк Дж., Купер Ф. Траектории империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. URL: <https://scicenter.online/books-mirovaya-istoriya-scicenter/djeyn-burbank-frederik-kuper-traektorii-103607.html> (дата обращения: 30.01.2022).*

¹⁷ *Laruelle M. The tensions of positionality reflection // Ab Imperio. 2023. № 1. P. 35–40.*

Простое противопоставление центра и национальных элит, «колонизаторов» и «колонируемых», центра и периферии непродуктивно¹⁸. Дж. Смит обратил внимание на многофакторность политики большевиков, принимавших во внимание условия и обстоятельства мест при переустройстве страны¹⁹. Так, история размежевания в Средней Азии как направление создания советского типа федерации должна учитывать активную роль этноэлит. Она была достаточно противоречивой, сами элиты не были монолитны по происхождению и образованию, по взглядам и способам вклада в советский проект. Так называемые «европейцы» и центр не только выстраивали жесткую вертикаль власти, но и достаточно гибко наращивали разнообразный инструментарий взаимодействия с разными группами национальных элит. Размежевание обеспечило создание современных наций в мультикультурном регионе с общеконфессиональной идентичностью населения, когда административными и политическими инструментами были созданы условия для кристаллизации этноидентифицирующих маркеров у народов региона. История размежевания остается дискуссионной темой, несмотря на наличие вполне репрезентативной документальной базы, которая еще может дополняться источниками, способными детализировать определенные нюансы связанных с этим проблем.

Центр оставался третейским судьей в межрегиональных и внутриэлитных конфликтах, вырабатывал общие стандарты решения сходных проблем на местах и выглядел в глазах руководителей национально-государственных образований единственно возможной конечной инстанцией для утверждения заявленных Москвой принципов национальной политики, оказания материальной помощи, разграничения полномочий между равноуровневыми ведомствами и хозяйствующими субъектами, источником пополнения местного бюджета. Важнейшим доводом при этом служила необходимость укрепления «советских позиций». Сложная иерархическая конструкция укреплялась усилиями государства, поддерживавшего и этническое разнообразие, и межкультурную/гражданскую интеграцию, предложившего собственные политические, идейные, социальные ценности и нормы. Правда, коренизация породила поначалу заполнение советов «классовыми врагами», а соблюдение классового подхода зависело от мобилизации достаточно скудных ресурсов на образование и идейно-политическую подготовку кадров из народа. Обеспечить реальное равенство народов к тому же можно было лишь благодаря экономическому подъему и социальному прогрессу, и эти задачи решались в сложных обстоятельствах, которые потребовали не только консолидации средств и сил, но и организационно-управленческих усилий центра и местных элит, взаимодействие которых стало испытанием для обеих сторон. В республиках трудности советского строительства представители власти рассматривали не только сквозь призму ведомственной иерархии, но и в тесной связи с внутренними противоречиями, под влиянием которых происходило становление облика СССР – формирование не только границ равноуровневых субъектов советской федерации, но и реализация модернизирующего проекта для всех народов Советского Союза.

¹⁸ Morrison A. Central Asia and the Bolshevik Revolution: A Look at the Balance Sheet at the Centennial. URL: http://www.eurasianet.org/node/85741?utm_source=dlvr.it&utm_medium=facebook (дата обращения: 27.10.2017); Ботакоз Касымбекова и Эрика Марат об «имперском мифе» России. Давний «имперский миф» России гласит, что «Россия не нападала и не колонизировала, но освободила и спасла колонизированных». Интервью 01.07.2022. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.c7b5f7f3-645d2181-ab9c24e1-74722d776562/https://thediplomat.com/2022/06/botakoz-kassymbekova-and-erica-marat-on-russias-imperial-myth/ (дата обращения: 11.05.2023); От редакции. «В глазах смотрящего»: национально-государственная перспектива как политика идентичности // *Ab Imperio*. 2022. № 3. С. 17–26; Герасимов И. История одного национального дефолта // *Ab Imperio*. 2023. № 1. С. 145–178.

¹⁹ Smith J. *The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. Basingstoke, 1999.

Выводы

Дискуссии вокруг статуса и полномочий автономий в меняющемся государственном организме, как показал анализ реакции на так называемое «рыскуловское совещание» (ноябрь 1926 г.) на примере Казахской АССР, выявили многофакторный характер федеративного строительства. Меж тем попытки представить интерпретации совместной истории народов России и СССР как историю имперской/советской «колонизации» свидетельствуют об определенной методологической деградации части авторов, агрессивно стремящихся навязать старые и изобрести новые мифы и концепции для объяснения того, что изучить предметно и объективно они часто не в состоянии или не заинтересованы в этом.

Анализ некоторых основных подходов зарубежной историографии к оценке советской национальной политики показывает недостаточность используемых аргументов. Уточнение и осмысление конкретно-исторического многообразия не только усложняет общую картину, но и дает возможность для формирования объемного и нелинейного представления о единичном и общем, о противоречивых проявлениях и динамике общего хода нацистроительства и федерализации. Этноидентичность трансформировалась, дополняясь новыми представлениями о межкультурной/гражданской общности. Система консолидирующих традиционных ценностей включалась в комплекс общесоветских социально-культурных приоритетов, обретая оригинальные этнонациональные воплощения. Советский народ представлял собой сложную и противоречивую общность, целостность которой обеспечивалась совокупностью социально-политических, экономических и культурных факторов, при наличии внутренних консолидирующих и дезинтегрирующих компонентов. Российская историография вполне самодостаточна в детальном освещении и анализе уникального опыта культурно сложной исторической реальности. Признание данной природы общества и ее непрерывной подвижности, разнородности как фундамента управления актуализирует анализ динамики формирования и взаимосвязи базовых параметров социальной, гражданской и этнокультурной идентичности советских людей, а также особенностей их понимания и интерпретации на разных уровнях – властью, экспертами в лице научной и творческой интеллигенции и самими гражданами. Историческая преемственность политического развития России и ее народов, как и преимущества культурного многообразия большого и умно управляемого государства, представляются важным основанием обретения нового качества исторического знания.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.06.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 26.11.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 02.12.2023

References

- Abdrakhmanov, Yu. 1916. *Dnevniki. Pis'ma k Stalinu* [1916. Diaries. Letters to Stalin]. Frunze: Kur-guzstan Publ., 1991 (in Russian).
- Amanzholova, D.A., Drozdov, K.S., Krasovitskaya, T.Yu., and Tikhonov, V.V. *Sovetskii natsional'nyi proekt v 1920–1940-e godu: ideologiya i praktika* [The Soviet National Project in the 1920–1940s: ideology and Practice]. Moscow: New khronograf Publ., 2021 (in Russian).
- Bazarov, B.V., ed. *Interiorizatsiia sovetskoi modeli v traditsionnykh soobshchestvakh Buriat-Mongolii (1920–1930 gg.)* [Interiorization of the Soviet model in the traditional communities of Buryat-Mongolia (1920–1930)]. Irkutsk: Print Publ., 2021 (in Russian).
- Burbank, J. “Empire and Transformation: The Politics of Difference.” In Tomohiko, Uyama, ed. *Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order*, 11–33. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018.

- Burbank, J., Kuper, F. *Traektorii imperii* [Trajectories of Empire]. In *Mify i zabluzhdeniia v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Misconceptions in the Study of Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2010 (in Russian).
- Denningkhaus, V. *V teni 'Bol'shogo brata': zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR, 1917–1938 gg.* [In the shadow of the 'Big Brother': Western national minorities in the USSR, 1917–1938]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Enukidze, A.S. “Konstitutsii avtonomnykh respublik (v poriadke postanovki voprosa) [Constitutions of autonomous Republics (in the order of the question)].” *Sovetskoe stroitel'stvo*, no. 3–4 (1926): 19–35 (in Russian).
- Gerasimiv, I. “Istoriia odnogo natsional'nogo defolta [The history of one national default].” *Ab Imperio*, no. 1 (2023): 145–178 (in Russian).
- Haugen, A. *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*. New York: Palgrave Macmillan, 2003.
- Hirsh, F. *Imperiia natsii: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soiuza* [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Formation of the Soviet Union]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2022 (in Russian).
- Kassymbekova, B. *Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan*. University of Pittsburgh, 2016.
- Krasovitskaya, T.Yu. *Natsional'nye elity kak sotsiokul'turnyi fenomen sovetskoi gosudarstvennosti (oktiabr' 1917–1923 gg.): dokumenty i materialy* [National Elites as a Socio-cultural phenomenon of Soviet Statehood October 1917–1923: documents and materials]. Moscow: IRI RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Kul'tchitskii, St. “Status titul'nykh natsii v psevdofederativnoi gosudarstvennoi structure SSSR na etape sozdaniia sovetskogo stroia (1917–1938 gg.) [The status of titular nations in the pseudo-federal state structure of the USSR at the stage of the creation of the Soviet system (1917–1938)].” In *Sovetskie natsii i natsional'naia politika v 1920–1950-e gody. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kiev, 10–12 oktiabria 2013 g.* [Soviet nations and national politics in the 1920–1950s. Materials of the VI International Scientific Conference. Kyiv, October 10–12, 2013], 6–16. Moscow: ROSSPEN Publ., 2014 (in Russian).
- Laruelle, M. “The tensions of positionality reflection.” *Ab Imperio*, no. 1 (2023): 35–40.
- Marchukov, A.V. *Ukrainskoe natsional'noe dvizhenie: USSR. 1920–1930-e godu: tseli, metody, rezul'taty* [Ukrainian National Movement: Ukrainian SSR. 1920–1930s: goals, methods, results]. Moscow: Nauka Publ., 2006 (in Russian).
- Morrison, A. *Central Asia and the Bolshevik Revolution: A Look at the Balance Sheet at the Centennial*, October 27, 2017, http://www.eurasianet.org/node/85741?utm_source=dlvr.it&utm_medium=facebook
- Roshwald, A. *Ethnic Nationalism and the Fall of Empires Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923*. London; New York: Routledge, 2001.
- Smith, J. *The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. Basingstoke: University of London Publ., 1999.
- Suny, Ronald G. *Lessons of October: The Fate of Democracy and Socialism in the Age of Revolution and Counterrevolution*, May 22, 2022, <http://kenedy-legacy.byu.edu/events/lessons-of-october/>
- Suny, Ronald G. *Sovetskoe i natsional'noe: edinstvo protivorechii* [Soviet and National: Unity of contradictions]. In *Sovetskie natsii i natsional'naia politika v 1920–1950-e godu. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kiev, 10–12 oktybrya 2013 g.* [Soviet nations and national politics in the 1920–1950s. Materials of the VI International Scientific Conference. Kyiv, October 10–12, 2013], 17–40, Moscow: ROSSPEN Publ., 2014 (in Russian).
- Varnavskii, P. *Sovetskii narod: sozdanie edinoi identichnosti v SSSR kak konstruirovaniie obschei pamyati (na materialakh Buryatskoi ASSR)* [The Soviet people: the Creation of a Unified Identity in the USSR as the construction of a common memory (based on the materials of the Buryat ASSR)]. *Ab Imperio*, no. 4 (2004): 239–262 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Дина Ахметжановна Аманжолова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории, Российская академия наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; amanzholova19@mail.ru; SPIN-код: 5525-3738; <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

Dina Akhmetzhanovna Amanzholova, Dr. Habil. Hist., Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117292, Russia; amanzholova19@mail.ru; SPIN-code: 5525-3738; <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>